

Вошедший Волошин увидел наш поцелуй над кубком и тоже захотел выпить мексиканской крови, смешанной с его собственной, русско-германской. Он сказал, что никогда не пил крови, кроме той, которую он сосал, порезав палец. Они исполнили тот же ритуал - и внезапно мы все примолкли: возможно, мы подпали под обаяние Риверы, колдуна или жреца. Вернувшись в гостиную, мы отказались сказать, что делали, хотя нам говорили, что мы выглядели совершенно счастливыми. Было также замечено, что Диего, Волошин и я стали называть друг друга на "ты".

- Они, очевидно, пили любовный напиток, - сказал Эренбург.

... Я не поехала с Максом Волошиным, когда он отправлялся к своей матери в Крым. Диего и я проводили его, и Волошин серьезно сказал Диего: "Я доверяю ее тебе. Мы братья по крови, которую вместе пили: она твоя сестра. Защищай ее от зла". Ривера обещал. Что-то он думал на самом деле, говоря это?

Отъезд Волошина оставил большую трещину, теперь его больше не было с нами. ...

Александр Бенуа О МАКСИМИЛИАНЕ ВОЛОШИНЕ

... Я не берусь говорить о Волошине как о поэте, тем менее - в обычном ныне техническом и профессиональном смысле. Это не мое дело. Его стихи меня пленили, но они не внушали того к себе доверия, без которого не может быть подлинного восторга. Я "не совсем верил" ему, когда по выступлениям красивых и звучных слов он взбирался на самые вершины человеческой мысли, откуда только и можно "беседовать с Богом" и где поэзия переходит в прорицания и в вещания. Но в одном я могу поручиться: Максимилиана влекло к этим "восхождениям" совершенно естественно, и именно слова его влекли. Они представлялись ему в баснословном разнообразии и пышности, рождая те идейные подборки, которые пьянили его величием и великолепием.

Меня соединяла с Волошиным дружба, начавшаяся еще в 1905 году, но основой этой дружбы не было мое признание его как поэта, но именно мое любование им, как цельной и своеобразной "фигурой". Слова эти содержат, если хотите, оттенок иронии, - и некоторую иронию я сохранил в отношении к нему навсегда, что ведь вообще не возбраняется и при самой близкой и нежной дружбе. Ирония же получалась от того, что замыслы и цели волошинской поэзии были колоссальны, а реализация замыслов и достижение целей возбуждали чувства известного несоответствия. Увы, не тот Божией милостью пророк, кто из благороднейших побуждений желал бы им быть, а тот, кто действительно к тому призван. И однородной с этим разладом между порывами, между noble ambition⁵⁴⁹ Волошина и тем, что ему было дано творить, являлась и вся его манера быть, вплоть до его наружности.

Я познакомился с Максом в Париже, в облике и в бытовых условиях "студента". Это был безбородый, благодушный, очень полный, очень еще юный человек. Изощреннейший эстет, он был известен как превосходный знаток (на чисто русский лад) французской литературы, которую он знал не только по ее широким проспектам, но и по всевозможным закоулкам, а то и тупичкам.

Впоследствии же, после целого периода его жизни, во время которого он весь ушел в теософию и даже собственными руками принимал участие в сооружении теософического храма, Волошин совершенно преобразился. Он оброс бородой и превратился из плотного, с наклоном к тучности юноши в коренастого, зрелого мужа. Тогда и сформировался как настоящий стиль его поэзии, так и тот внешний облик, который, вероятно, и останется за ним наподобие того, как Гёте мы себе представляем всегда по портрету Тишбейна, а Гюго в образе седовласого дедушки.

Именно этот облик Волошина, человека несколько приземистого, с широким и ясным

⁵⁴⁹ Благородное честолюбие (франц.).

челом, с благодушной улыбкой, окруженной окладистой русой бородой, и при этом близорукий взор, прикрытый пенсне, что так странно нарушало все его "зевсоподобие", сообщая что-то растерянное и беспомощное, именно этот поздний облик Волошина имел в себе что-то необычайно милое, подкупающее и трогательное.

Возможно, что "изнутри" он себя видел иначе; быть может, он почитал свою фигуру за нечто внушительное и прямо "божественное" (и все это при величайшей скромности и при полной охоте служить мишенью для любой дружеской шутки), а на самом деле его вид хоть и не был лишен известной красоты, все же невольно производил впечатление какой-то неудачи, вернее "не полной удачи". Маска греческого божества ему во всяком случае не пристала, да это только и была маска, а не настоящее его лицо.

Быть может, впрочем, что те (каюсь, я среди них), кто отказывал ему в звании настоящего гения и, говоря шире, настоящей крупной личности, были вовсе не правы. Кто знает, когда его через полвека "откроет" какой-нибудь исследователь русской поэзии периода войны и революции, он вовсе не сочтет творения Волошина за любопытные и изящные "отражения", а признает их за подлинные откровения. Его во всяком случае поразит размах волошинской искренности и правдолюбия.

В заключение мне еще хочется сказать несколько слов о Волошине как художнике. Мало кто знает, сколько времени он посвящал живописи и что эти его работы имеют настоящее художественное значение. Кое-что тут было навеяно Богаевским, кое-что являлось отзвуком искусства Пуссена и Тернера, но при всем том эти живописные работы Волошина очень самобытны.

Сам Макс не придавал большого значения своей живописи (но еще раз напомним - скромность была одной из его самых чарующих черт), но он их все же любил, и он имел полное основание их любить, ибо в них пленительная легкость сочеталась с отличным знанием природы. Именно - знанием, ибо Волошин не писал этюдов с натуры, но строил и расцвечивал свои пейзажи "от себя" и делал это с тем толком, который получается лишь при внимательном и вдумчивом изучении.

Все эти его акварельные пейзажи (работ другого характера я не знаю) импровизации размером не более нескольких сантиметров в длину и в ширину. Но иногда Волошин заполнял большие листы бумаги, и эти его более значительные по формату произведения нисколько не уступают по цельности концепции и по мастерству его крошечным "пошадям"⁵⁵⁰.

Почти все его акварели посвящены Крыму. Но это не тот Крым, который может снять любой фотографический аппарат, а это какой-то идеализированный, синтетический Крым, элементы которого он находил вокруг себя, сочетая их по своему произволу, подчеркивая то самое, что в окрестностях Феодосии наводит на сравнение с Элладой, с Фиваидой, с некоторыми местами в Испании и вообще со всем тем, в чем особенно обнаруживается красота каменного остова нашей планеты.

Среди этих мотивов любимый его Коктебель, с его скопищем странных сопок, с его берегом из драгоценных камней, стоит особняком. Коктебель не так прекрасен, как романтичен, кошмарично сказочен. И вот рядом с пейзажами, навеянными более классическими областями Крыма, Волошиным создано немало "фантазий" на тему Коктебеля, представляющих, при сохранении чрезвычайной типичности, нечто совершенно ирреальное. Это уже не столько красивые вымыслы на темы, заимствованные у действительности, сколько какие-то сны. Или же это идеальные декорации, в которых, под нагромождениями облаков и среди пугающих скал, могли бы разыгрываться пленительные легендарные небылицы.

Не так уж много в истории живописи, посвященной только "настоящим" художникам, найдется произведений, способных вызывать мысли и грезы, подобные тем, которые

⁵⁵⁰ Pochade - эскиз, набросок (франц.)